

Княгиню оттеснили на второй план, но из истории государства не вычеркнули. Более того, живописные рассказы о князьях и вставленные в текст «Повести» договоры с греками были прямым откликом на содеянное Ольгой в Царьграде, явной попыткой уподобить легендарных князей-разбойников реальной великой правительнице.

Теперь, опираясь на Древнейшее сказание и привлекая все известные источники, посмотрим, что и в каких условиях совершила сама княгиня.

И. о. мужчины

Весной 945 года к берегу Днепра под Биричевым пристала средних размеров ладья. Княгиня хлопотала по хозяйству на своём дворе вне укреплений града Киева. Она послала слуг узнать, кто пожаловал: ведь мужа Игоря дома не было. Ей сказали, что пришли древляне – 20 лучших мужей соседнего союза племён, с которого Игорь собирал дань. Княгиня с тревогой ожидала, что скажут приглашённые ею в каменный терем посланцы. «Добрые пришли гости, – сказала она. – Говорите, чего ради пришли». «Послала нас Деревская земля, – сказали послы, – передать: мужа твоего убили, потому что он, как волк, расхищал и грабил... Пойди замуж за князя нашего Мала».

Все летописцы были восхищены тем, что Ольга никак не выдала своего горя. Справившись с внезапным и страшным потрясением, она мгновенно приняла единственно верное решение, последствия которого мы ощущаем через тысячелетие.

«Люба мне речь ваша, – сказала княгиня. – Уже мне мужа моего не воскресить. Но хочу вас почитать наутро перед людьми моими. А ныне идите в ладью свою и ложитесь в ладье, величаясь. Я утром пошлю за вами, вы же, величаясь, скажите: не пойдём на конях, ни пешими не пойдём, но несите нас в ладье, – и понесут вас в ладье».

О происшедшем далее все знают, поэтому самое время задуматься, в каком положении оказалась княгиня. При жизни князя она была не только хозяйкой его двора, но и первой дамой Руси. Если судить по договору Руси с греками 944 года, посол Ольги в Царьграде занимал третье место после послов её мужа и сына – выше послов от Игоревых племянников. С любой точки зрения в этом не было ничего удивительного. У славян женщина почиталась исконно, и Родина до сих пор остаётся и зовётся Матерью. У скандинавов, к которым ряд историков относит Игоря и Ольгу (по бытованию на севере Европы имён Ингвар и Хельга), женщина имела довольно много прав, а матёрая (детная) вдова, как и на Руси, была полноправ-

на. В Византии, в отличие от полудикой тогда Западной Европы, императрица даже венчалась на царство перед тем, как выйти замуж за императора, и в случае его смерти определяла судьбу трона.

Ольга имела право, хотя и не была обязана, отомстить за мужа и удержать власть, чтобы передать её сыну Святославу. На это летописец обращает особое внимание: «Вот, убили князя русского, – говорят между собой древляне, отправляя послов в Киев, – возьмём жену его Ольгу за князя своего Мала, и Святослава возьмём, и сотворим ему, что захотим». То есть Ольга выступала носителем власти в отсутствие мужа (в точной аналогии с Византией), а Святослав – законным наследником княжения Русского.

Ребёнка Ольги могли убить. Что бы мать ни сделала желающим этого, было и остаётся её святым правом. Списывать поступок Ольги с послами древлян на историческую «жестокость нравов» не только неправильно – это вредно для истины. Я придерживаюсь прямых указаний летописи, что Святослав был ещё ребёнком («бе бо детеск»), хотя достиг пятилетнего возраста, поскольку находился в руках своего «кормильца» Асмунда, а не «мамок». Если бы Святослав был взрослым, авторам ещё 1000 лет назад пришлось бы отвечать, что поделывал отважный воин, чьи подвиги ими тщательно описаны, когда мать осталась одна против всего мира.

Но где же были мужи рода Игоря, на которых лежала обязанность мстить? По договору с греками, у князя были племянники Игорь и Акун, был некий Улеб и ещё небольшой список «мужей». Они или погибли с князем, или «потеряли лицо» и справедливо не упоминаются в летописи. Важно, что боеспособной дружины Ольга не имела.

О родных Ольги из Пскова мы ничего не знаем, хотя уже Древнейшее сказание связывает её с этим городом, а Начальный свод настойчиво указывает на него. Как бы то ни было, в кривичском роде княгини сомневаться не приходится: сына она назвала Святославом, а внуков – Ярополком, Олегом и Владимиром. Из четырёх имён лишь одно можно соотнести со скандинавским: то, что напоминает о «Вещем Олеге». Объяснить, почему у наследников основательницы Русского государства именно славянские (даже не христианские) имена, с точки зрения «норманской» теории невозможно.

Для полян, державших Игоря на «столе» в Киеве, после его смерти кривичка Ольга была никем. Воевода Свенельд, чьи подвиги при Игоре были расписаны в летописях, согласно этим рассказам везде брал дань себе, то есть не подчинялся князю, а действовал как его союзник. Силы у него были, но за Игоря он не мстил и Ольге не помогал.